

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений

На правах рукописи

Агеева Вера Дмитриевна

**РОЛЬ ИНСТРУМЕНТОВ «МЯГКОЙ СИЛЫ»
ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Специальность 23.00.04 - Политические проблемы международных
отношений, глобального и регионального развития

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Санкт-Петербург - 2016

Работа выполнена на кафедре мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета.

Научный руководитель: **Зеленева Ирина Владимировна**
доктор исторических наук, профессор
кафедры мировой политики факультета
международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Официальные оппоненты: **Акопов Сергей Владимирович**
доктор политических наук, доцент
Департамента прикладной политологии
Национального Исследовательского
Университета «Высшая Школа
Экономики»

Великая Анна Алексеевна
кандидат политических наук,
руководитель проекта Фонда поддержки
публичной дипломатии им.
А.М.Горчакова

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена»

Защита состоится «25 » ноября 2016 года в 19:00 на заседании Совета Д212.232.65 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 191060, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного 1/3, подъезд 8, факультет международных отношений СПбГУ, аудитория № 100.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7/9) или на веб-сайте <http://spbu.ru/>. Автореферат разослан « ____ » _____ 2016 г.

**Ученый секретарь
Диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент**

Д.И Портнягин

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

С наступлением эпохи глобализации система международных отношений кардинально изменилась. На мировую арену вышли новые акторы, которые оказались способными оказывать мощнейшее влияние на ход мировой истории. Перед новым составом международных акторов встали абсолютно новые проблемы и вызовы, с которыми не приходилось сталкиваться ни в XX, ни в XIX веках. И, наконец, появились новые измерения власти и новые источники силы в борьбе за мировое доминирование. Одно осталось неизменным: целью всех международных акторов осталась власть, сила и влияние на мировой арене.

Многогранность процесса глобализации сократила пространство применения традиционных властных механизмов государствами и привела к изменению моделей глобальной конкуренции. В новую эпоху более важным фактором воздействия, чем военная мощь и обладание ядерным оружием, стали экономический успех, идеологическая убедительность и культурная привлекательность страны.

Концепция «мягкой силы», введенная в научный оборот гарвардским ученым Джозефом Наем, стала ответом на те изменения, которые произошли в международной системе на рубеже XX-XXI веков. Она стала выразителем новых трендов в международных отношениях, главным из которых, по словам А.Торкунова, является конкуренция ценностей и моделей общественного, государственного и социально-экономического развития. «Мягкая сила» стала выступать в качестве важного внешнеполитического инструмента, который способен обеспечить мировое доминирование. Новаторство гарвардского ученого сыграло важную роль в развитии теории и практики международных отношений. Эксперты утверждают, что «мягкая сила» стала центральной концепцией для понимания современных международных отношений, а также ключевым понятием для развития концептуального словаря международных отношений как в вопросах практической дипломатии, так и в вопросах изучения природы власти. Концепция прочно вошла во внешнеполитическую практику многих стран мира. Благодаря популярности концепции, правительства стали активно реализовывать коммуникативные стратегии во внешней политике: добиваться доверия своих партнеров, формировать образ своей страны в СМИ и устанавливать тесные связи с зарубежными аудиториями. Как утверждают зарубежные исследователи, за последнее десятилетие

государство, которое не включило в свою внешнеполитическую стратегию концепцию «мягкой силы», это скорее исключение.

Сегодня концепция «мягкой силы» и возможности ее применения приобретают для России особо важное значение. События 2014-2015 годов – присоединение Крымского полуострова к Российской Федерации, участие в боевых действиях в Сирии – доказывают, что военные инструменты способны обеспечить реализацию внешнеполитических целей только в краткосрочной перспективе. Для долгосрочного взаимовыгодного международного партнерства, которое способно обеспечить стабильное внутриэкономическое развитие страны, необходимы другие механизмы. Политика «мягкой силы» дает возможность активизировать те ресурсы внешнего влияния, которые могут оказаться более действенными в современном мире в контексте глобализации.

Российское руководство признает необходимость обновления внешнеполитического инструментария. Сегодня в России на самом высоком политическом уровне ведется работа по концептуализации российской модели «мягкой силы», а также предпринимаются практические шаги по выстраиванию системы оказания «мягкого воздействия» на участников международного диалога. С момента первых упоминаний «мягкой силы» российским руководством в 2008-2009 гг., концепция «мягкой силы» получила нормативно-правовое закрепление в официальных внешнеполитических документах, были созданы институты, на которые была возложена координация применения инструментов «мягкой силы» в российской внешней политике.

За прошедший период российская модель «мягкой силы» приобрела собственные очертания: о ней стали всерьез говорить зарубежные политики и эксперты. Оценки российской «мягкой силы» в научном сообществе разнятся: часть экспертов выступает с критикой российской модели, в то же время ряд аналитиков признает существенный прогресс в наращивании российским руководством «мягкой силы». В целях дальнейшего совершенствования российского инструментария «мягкой силы» представляется важным провести объективный анализ проведенной в данном направлении работы и выявить сильные и слабые стороны российской модели.

Объект диссертационного исследования - внешняя политика современной Российской Федерации.

Предмет диссертационного исследования – роль и место инструментов «мягкой силы» во внешней политике современной России.

Цель исследования – определить особенности применения инструментов «мягкой силы» в российской внешней политике, а также его эффективность в процессе международного диалога России и мира.

Задачи исследования:

1. Изучить теоретические основания концепции «мягкой силы», сформулированные зарубежными и отечественными исследователями.
2. Выявить специфику интерпретации концепции «мягкой силы» в официальном внешнеполитическом курсе России и в российском научном сообществе.
3. Определить особенности работы российских институтов, координирующих применение инструментов «мягкой силы» - государственных учреждений, фондов, общественных организаций.
4. Изучить роль информационных каналов как инструментов, способствующих укреплению российской «мягкой силы».
5. Выявить идейное содержание российской концепции «мягкой силы».
6. Оценить эффективность российской модели «мягкой силы» во внешней политике современной Российской Федерации.

Территориальные рамки исследования охватывают зарубежные страны, с которыми осуществляет взаимодействие Российская Федерация. Особое внимание в исследовании уделено постсоветскому пространству, которое является приоритетным для российской внешней политики и, соответственно, для российской стратегии «мягкой силы».

Степень разработанности темы

Тема силы и влияния всегда являлась одной из самых актуальных в теории международных отношений. В своих работах к ней обращались представители всех теоретических школ: реализма, либеральной традиции, геополитики, структурализма. О природе силы международных акторов писали: Г.Моргентау¹, К.Норр², Дж.Миршаймер³, Р.Клайн⁴, К.Уолтц⁵, Г.Киссинджер⁶, У.Фулбрайт⁷ и др. Нюансы феномена «силы»,

¹ Morgenthau H. Politics among Nations. 4th ed. New York. 1967.

² Knorr K. The Power of Nations. New York, 1975.

³ Mearsheimer John J. The Tragedy of Great Power Politics. New York: W.W. Norton. 2001.

⁴ Cline R. S. World power assessment: A calculus of strategic drift. Washington: Center for Strategic and International Studies, Georgetown University. 1975.

⁵ Waltz Kennet N. Theory of International Politics. London: Addison-Wesley. 1979.

⁶ Kissinger H. American Foreign Policy. 3d ed. New-York, 1977.

⁷ Fulbright W. Arrogance of power. New York. 1966.

который может выражаться также в форме власти, влияния, мощи, получили теоретическое развитие в работах А.Уолферса⁸, Дж.Харта⁹, Р.Арона¹⁰. Значительный вклад в осмысление трансформаций, произошедших с феноменом «силы» в международных отношениях, с наступлением эпохи глобализации внесли исследования Р.Кохейна и Дж.Ная¹¹, Д.Болдуина¹², С.Стрендж¹³.

Среди российских теоретиков, изучавших феномен силы в международных отношениях, особо следует выделить П.А.Цыганкова, который вел систематическую работу по обобщению зарубежных и отечественных теоретических исследований феномена силы¹⁴.

Концепция «мягкой силы», сформулированная гарвардским ученым Дж.Наем, открыла новую страницу в теоретических и практических исследованиях феномена «силы» в международных отношениях. По образному выражению Дж.Маттерна, концепция «мягкой силы» овладела воображением как ученых, так и политиков во всем мире. Часть исследователей сконцентрировала свое внимание на критике, уточнениях и теоретическом развитии концепции «мягкой силы» (например, Инг Фан, Р.Бигон, А.Бохас, К.Лейн, Р.Купер, Э.Вилсон, Я.Мелиссен)¹⁵, другие на основе идей Дж.Ная сформулировали и представили международному сообществу свои авторские концепции

⁸Wolfers A. A Discord and Collaboration. Essay of International Politics. The Johns Hopkins Press, 1962.

⁹Hart J. Three approaches to the measurement of Power in international relations // International Organization, (Spring, 1976).

¹⁰Aron R. Paix et Guerre entre les nations. Avec une presentation inedite de l'auteur. Paris, 1984.

¹¹Keohane R.O., Nye J.S. (Jr.). Transnational Relations and World Politics. Cambridge, Ma: Harvard University Press, 1972.

¹²Baldwin D. Power Analysis and World Politics: New Trends versus Old Tendencies // World Politics, Volume 31, Issue 2 (Jan., 1979), PP. 161-194.

¹³Strange S. Toward a Theory of Transnational Empire// E.O.Czempiel, J.N. Rosenau (eds.). Approaches to World Politics for the 1990s. Lexington (Mass.), 1989.

¹⁴Цыганков П.А. Политическая социология международных отношений: Учебное пособие. М.: Радикс, 1994.

¹⁵Fan Y. Soft Power: Power of Attraction or Confusion? Place Branding and Public Diplomacy (2008). PP. 147-158; Biegon R. The Banality of Smart Power: Reconstituting US Hegemony after Bush // Postgrad Conference 17 May 2013; Hayden C. The Rhetoric of Soft Power: Public Diplomacy in Global Contexts. Lanham, Lexington Books, 2012; Bohas A. The Paradox of Anti-Americanism: Reflection on the Shallow Concept of Soft Power // Global Society, Vol. 20, No. 4, October, 2006; Layne Ch. The Unbearable Lightness of Soft Power // Soft power and US foreign policy : theoretical, historical and contemporary perspectives.- Routledge studies in US foreign policy. PP.51-83; Cooper R. Hard power, soft power and the goals of diplomacy // American Power in the 21st Century, 2004, pp. 167-180; Wilson E.J. III Hard Power, Soft Power, Smart Power // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science 2008. PP.110-124; Melissen J. Wielding Soft Power: the New Public Diplomacy. Netherland Institute of International Relations. Clingendael. Hague, May 2005.

силы в эпоху глобализации (например, концепции М.Коуналакиса и А.Симония, Л.Росель, А.Мискиммона, Б.О'Лоуглина, Дж.Галларотти и А.Вавина)¹⁶.

О популярности концепции «мягкой силы» в теории международных отношений говорит и количество книг по данной теме, вышедших за последние 15 лет. Интересно отметить, что в вопросе «мягкой силы» особый интерес в исследовательском сообществе проявляется по отношению к Китаю и ко всему региону Юго-Восточной Азии в целом. Часть авторов исследуют тенденцию роста китайского влияния на мировой арене и происходящих в связи с этим трансформаций в системе международных отношений¹⁷. Западные авторы зачастую подчеркивали скрытую опасность растущей «мягкой силы» Китая, говоря о ней как о наступательной тактике восточной державы. Действительно, за последние годы концепция «мягкой силы» активно развивалась китайским руководством. Особенности включения данной концепции в китайскую внешнюю политику были описаны в целом ряде книг зарубежных экспертов¹⁸. Несколько работ было посвящено региональному измерению китайской «мягкой силы»: так, авторами исследовалось влияние Китая в регионе Южной Америки, Африки, Азии¹⁹, а также в разрезе китайско-японских отношений и конкуренции с США по данному вопросу²⁰. Исследователи также писали о «мягкой силе» всего региона Восточной Азии²¹. Несколько авторов обратило

¹⁶Kounalakis M. and Ambassador Simonyi A. The Hard Truth about Soft Power. CPD Perspectives on Public Diplomacy, Paper 5. 2011; Roselle L., Miskimmon A., O'Loughlin B. Strategic Narrative: A New Means to Understand Soft Power // Media, War & Conflict 2014, Vol. 7(1). PP. 70–84; Gallarotti G. Soft Power: What it is, Why it's Important, and the Conditions Under Which it Can Be Effectively Used. 2011. Division II Faculty Publications. Paper 57; Vuving A. How Soft Power Works. American Political Science Association annual meeting, Toronto. September 3, 2009.

¹⁷ Kurlantzick J. Charm Offensive: How China's Soft Power is Transforming the World. Melbourne: Melbourne University Press, 2007; Ding Sh. The Dragon's Hidden Wings: How China Rises with its Soft Power. Lanham, MD: Lexington Books, 2008; Li M. Soft Power: China's Emerging Strategy in International Politics. Lanham: Lexington Books, 2009; Callahan W.A., Barabantseva E. China Orders the World: Normative Soft Power and Foreign Policy. Washington, D.C: Woodrow Wilson Press, 2012.

¹⁸ Monroe A. China's Foreign Policy and Soft Power Influence. Nova Science Publishers, 2010; Lai H.i, Lu Y. China's Soft Power and International Relations. London and New York, NY: Routledge, 2012.

¹⁹Sordoni F. China's Soft Power in Latin America: Current Trends and Potential. Lake Forest College, 2011; China's foreign policy and "soft power" in South America, Asia, and Africa: a study prepared for the Committee on Foreign Relations, United States Senate. US Government Printing Office. Washington, 2008.

²⁰Vyas U. Soft Power in Japan-China Relations: State, sub-state and non-state relations. London: Routledge, 2010; Jing Sun Japan and China as Charm Rivals: Soft Power in Regional Diplomacy. University of Michigan Press, Ann Arbor, 2013; Roberts P. Going Soft? The US and China Go Global. Cambridge Scholars Press, 2014.

²¹ Black D., Epstein S., Tokita A. Complicated Currents: Media Flows, Soft Power and East Asia. Melbourne: Monash University ePress, 2010; Huat B. Ch. Structure, Audience and Soft Power in East Asian Pop Culture. Hong Kong University Press, 2011.

внимание на «болезненные» вопросы современного Китая – проблемы Тибета и Тайваня²². Ряд исследований был посвящен «мягкой силе» других стран Восточной Азии и Юго-Восточной Азии: в частности, Индии, Японии, Филиппин²³.

Особый интерес исследователи проявляли к американской модели «мягкой силы». Некоторые авторы сосредоточились на общем анализе концепции «мягкой силы» США²⁴, другие обратились к исследованию роли «мягкой силы» в отношениях США и Японии: Такеши Матцуада проанализировал в своей книге роль американской «мягкой силы» в послевоенной Японии²⁵, Я. Ватанабе и Д. Макконел провели сравнительное исследование потенциалов «мягкой силы» современных США и Японии²⁶, а Давид Арасе и Тцунео Акаха сосредоточили свое внимание на совместной стратегии США и Японии по «мягкому влиянию» в регионе Восточной Азии²⁷.

За последние годы также появились исследования перспектив «мягкой силы» в странах Ближнего и Среднего Востока, в частности в Саудовской Аравии и Ирана²⁸.

Значительная часть книг, вышедших за прошедший период, была посвящена общим вопросам теории и практики использования «мягкой силы» во внешней политике. Одной из самых первых в свет вышла работа М.Фрейзера, канадского журналиста, в которой была реконструирована история становления индустрии массовой культуры как внешнеполитического инструмента «мягкой силы» США²⁹. Ряд исследователей сосредоточились на компаративистском подходе, сравнивая инструменты «мягкой» и «жесткой» силы во внешней политике и находя между ними диалектическую

²²Lendorfer M. *Soft-Power Resources of the Tibetan Exile Government: How Tibetan Soft Power Allures the West*. Universität Wien, 2009; Hagelstein M. *Soft power et diplomatie culturelle: Le cas de Taiwan*. Louvain-la-Neuve, Academia l'Harmattan, 2014.

²³Thussu D. K. *Communicating India's Soft Power: Buddha to Bollywood*. New York, Palgrave Macmillan, 2013; Akaha T. *A soft power approach to national security: Japan's possibilities*. Monterey, CA : Center for East Asian Studies, Monterey Institute of International Studies, c1993; Gonzalez J. *Diaspora Diplomacy: Philippine Migration and Its Soft Power Influences*. Mill City Press, Incorporated, 2011.

²⁴Parmar I., Cox M. *Soft Power and US Foreign. Policy. Theoretical, historical and contemporary perspectives*. New York: Taylor & Francis, 2010; Luke Ch., Kersel M. *US Cultural Diplomacy and Archaeology: Soft Power, Hard Heritage*. London, 2013.

²⁵Matsuda T. *Soft Power and Its Perils: U.S. Cultural Policy in Early Postwar Japan and Permanent Dependency*. Washington: Woodrow Wilson Center, 2007.

²⁶Watanabe Y., McConnell D. L. *Soft Power Superpowers. Cultural and National Assets of Japan and the US*. Armonk, N.Y: M.E. Sharpe, 2008.

²⁷Arase D., Akaha T. *The US-Japan Alliance: Balancing Soft and Hard Power in East Asia*. Milton Park, Abingdon, Oxon: Routledge, 2010.

²⁸Alshehri, Colonel Abdulhadi *Soft Power as an Alternative to Hard Power in Counterterrorism in Saudi Arabia*. USAWC Strategy Research Project, Master of Strategic Studies, March 15, U.S. Army War College; Carlisle Barracks, PA, 2010; Mabon S. *Saudi Arabia and Iran: Soft Power Rivalry in the Middle East*. London: I.B. Tauris, 2012.

²⁹Fraser M. *Weapons of Mass Distraction: Soft Power and American Empire*. Thomas Dunne Books, 2003.

взаимодополняемость³⁰. А.Леннон посчитал нужным сосредоточиться на потенциале «мягкой силы» как ответе террористической угрозе, которая стала бичом эпохи глобализации³¹, а Дж.Хайнс провел исследование по вопросу влияния религиозных транснациональных акторов на международные отношения³². Исследования, посвященные «мягкой силе», появились также и в не-англоговорящих академических сообществах (французском, немецком и др.)³³.

О значении концепции «мягкой силы» в российской научной школе международных отношений говорит количество диссертаций (кандидатских и докторских), посвященных «мягкой силе» как внешнеполитической концепции³⁴, как инструменту влияния таких международных акторов, как США³⁵, Китая³⁶, Турции³⁷, Монголии³⁸. Неоднократно диссертационные исследования защищались по вопросу особенностей реализации российской модели «мягкой силы» в региональном измерении: на пространстве Евразии³⁹, в двусторонних отношениях с Бразилией⁴⁰.

³⁰ Atkinson C. Military Soft Power: Public Diplomacy through Military Educational Exchanges. Rowman & Littlefield, 2014; Roslycky L. The Soft Side of Dark Power: a Study in Soft Power, National Security and the Political-Criminal Nexus With a Special Focus on the Post-Soviet Political-Criminal Nexus, the Russian Black Sea Fleet and Separatism in the Autonomous Republic of Crimea. University of Groningen, 2011.

³¹ Lennon A. T. J The Battle for Hearts and Minds: Using Soft Power to Undermine Terrorist networks. Cambridge, MA: MIT Press, 2003.

³² Haynes J. Religious Transnational Actors and Soft Power. Taylor & Francis Ltd. UK, 2012.

³³ Tenzer N., Devin G., Badel L., Pierre C., Lefebvre M. Enjeux et vecteurs de la diplomatie d'influence. Univers : Sciences Politiques, 2012; Lane Ph. Présence française dans le monde. L'action culturelle et scientifique, La Documentation Française, 2011.

³⁴ Панова Е.П. «Мягкая власть» как способ воздействия в мировой политике: диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.04 / Моск. гос. ин-т междунар. отношений. - Москва, 2012.

³⁵ Филимонов Г.Ю. Внешняя культурная политика США как компонент "мягкой силы": автореферат дис. ... кандидата политических наук : 23.00.04 / Ин-т США и Канады РАН. - Москва, 2007; Филимонов Г.Ю. Роль "мягкой силы" во внешней политике США : автореферат дис. доктора политических наук : 23.00.04 / Дипломат. акад. МИД РФ. - Москва, 2013; Опенько Е.В. От традиционной дипломатии к использованию "мягкой силы" : на примере американско-европейских отношений в 50 годы XX века : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.03 / Нац. исслед. Том. гос. ун-т. - Томск, 2012.

³⁶ Регзенова Д.Б. Исторический опыт стратагемности и принципа "мягкой силы" в социально-экономических реформах Китая: диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.03 Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. - Улан-Удэ, 2012; Бояркина А.В. "Мягкая сила" как политический инструмент реализации внешней политики КНР на рубеже XX - XXI вв. : автореферат дис. ... кандидата политических наук : 23.00.02 / Дальневост. федер. ун-т. - Владивосток, 2015.

³⁷ Зубкова А.И. Стратегия мягкой силы в контексте трансформации политической системы Турецкой Республики в период 2002-2014 гг. : диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.04 / Рос. ун-т дружбы народов. - Москва, 2015.

³⁸ Михалев А.В. Монголия в новой большой игре: роль неформальных институтов мягкой силы : автореферат дис. ... доктора политических наук : 23.00.02 / Бурят. гос. ун-т. - Улан-Удэ, 2013.

³⁹ Кутенёв В.В. Институты евразийской интеграции как инструменты "мягкой силы" России : диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.04 / Киргиз.-Рос. славян. ун-т. - Бишкек, 2013.

Значительный вклад в теоретическое развитие «мягкой силы» как внешнеполитической концепции внесли следующие российские исследователи: Ю.Давыдов⁴¹, О.Красина⁴², О.Леонова⁴³, И.Зевелев и М.Троицкий⁴⁴, С.Песцов и А.Бобыло⁴⁵, П.Паршин⁴⁶, Т.Зонова⁴⁷, Д.Барышников⁴⁸ и др. В 2015 году в свет вышли две монографии, в которых были собраны аналитические статьи отечественных исследователей по теоретическим и практическим аспектам концепции «мягкой силы»⁴⁹.

Отдельное внимание российскими исследователями было уделено изучению зарубежного опыта по применению стратегий «мягкой силы» во внешней политике. Усилиями Г.Филимонова, Н.Цветковой, А.Кубышкина, М.Братерского, А.Долинского и А.Фоминых⁵⁰ были изучены внешнекультурная политика, программы высшего образования, молодежные обмены и публичная дипломатия в качестве основных

⁴⁰ Будаев А.В. Роль "мягкой силы" во внешней политике России : на примере российско-бразильских отношений : диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.04 / Дипломат. акад. МИД РФ. - Москва, 2014.

⁴¹ Давыдов Ю.П. «Жесткая» и «мягкая» сила в международных отношениях // США*Канада: ЭПК. 2007. №1. С. 3-24.

⁴² Красина О.В. "Мягкая сила" как теоретическая конструкция и властная технология современной мировой политики. Современ. гуманитар. акад. - Москва : Издательство Современного гуманитарного университета, 2011.

⁴³ Леонова О. Г. Мягкая сила - ресурс внешней политики государства // Обозреватель. - 2013. - № 4. С. 27-40.

⁴⁴ Зевелёв И.А., Троицкий М.А. Сила и влияние в американо-российских отношениях: семиотический анализ. Очерки текущей политики. Выпуск 2. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2006.

⁴⁵ Песцов С.К., Бобыло А.М. «Мягкая сила» в мировой политике: проблема операционализации теоретического концепта // Вестник Томского государственного университета. История. – 2015. №2(34). С. 108–114.

⁴⁶ Паршин П. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России // Аналитические доклады, Центр глобальных проблем МГИМО – Университет, выпуск 1 (36), март 2013.

⁴⁷ Зонова Т. Публичная дипломатия и ее акторы [Электронный ресурс] // Дипломатика. Режим доступа - <http://www.diplomatica.ru/?pl=page&id=203&lng=ru>.

⁴⁸ Барышников, Д. Н. Параметры публичной дипломатии: проблемы теории и практики // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. - 2011. - № 4, ч. 2. - С. 411-413.

⁴⁹ Мягкая сила. Мягкая власть. Междисциплинарный анализ. Коллективная монография / Под ред. Е.Г. Борисовой. - М.: ФЛИНТА, Наука, 2015; Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф. Русаковой. – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2015.

⁵⁰ Филимонов Г. Мягкая сила культурной дипломатии США. М.: РУДН, 2010; Цветкова Н.А. Failure of American and Soviet Cultural Imperialism in German Universities, 1945-1990 // Brill: Boston, Leiden, 2013; Цветкова Н.А., Кубышкин А.И. U.S. Public Diplomacy. Textbook for MA students (Публичная дипломатия США) - in Russian // М.: АСПЕКТ-ПРЕСС, 2013; Братерский М.В., Скриба А.С. Концепция «мягкой силы» во внешнеполитической стратегии США // ВЕСТНИК МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ. Т. 9. № 2 (2014). С.130-144; Долинский А. Дискурс о публичной дипломатии [Электронный ресурс] // Международные процессы. 2008. № 6 (16). Том 9, № 1(25). Январь–апрель 2011. Режим доступа: - <http://www.intertrends.ru/twenty-fifth/008.htm>; Фоминых А. «Мягкая мощь» обменных программ [Электронный ресурс] // Международные процессы. 2008. № 6 (16). С. 76-85. Режим доступа - www.intertrends.ru/sixteenth/008.htm.

инструментов «мягкой силы» США. Благодаря исследованиям С.Косенко, В.Нагорнова⁵¹ и других, научному сообществу была представлена концепция «мягкой силы» современной Франции. А.Макарычев и А.Сергунин провели исследование «мягкой силы» Германии на примере немецких проектов, реализованных в Калининградской области⁵². Коллектив исследователей НИУ ВШЭ в составе А.Владимировой, В.Королева и А.Труниной провел анализ зарубежных рейтингов «мягкой силы»⁵³.

На основе теоретических наработок и опыта зарубежных стран, отечественные исследователи разрабатывали различные модели российской «мягкой силы». Данному вопросу в своих исследованиях уделили внимание П.Паршин, Г.Филимонов, А.Смирнов, Ф.Лукьянов⁵⁴ и др. Такие ученые, как А.Торкунов, М.Лебедева, Е.Панова, И.Дежина⁵⁵ сосредоточились на высшем образовании и науке как на самых перспективных ресурсах российской «мягкой силы». А.Цыганков⁵⁶ сакцентировал внимание отечественного научного сообщества на российской школе теории международных отношений, которая может значительно увеличить потенциал «мягкой силы» России. Н.Маркушина и О.Церпицкая изучили роль олимпийских и паралимпийских игр в Сочи в деле укрепления российской «мягкой силы»⁵⁷.

Вместе с тем, как в зарубежном, так и в отечественном исследовательском сообществе на данный момент так и не было проведено комплексного исследования роли

⁵¹ Косенко С.И. «Мягкая сила» как фактор культурной дипломатии Франции // Знание. Понимание. Умение. №1 – 2014. С.114-125; Нагорнов В.А. «Мягкая сила» по-французски // Вестник международных организаций. Т.9. №2 (2014). С.167-189.

⁵² Макарычев А.С., Сергунин А.А. «Мягкая сила» в действии: Германия и Калининград // «Россия и современный мир». 2013. № 1. С. 73-89.

⁵³ Владимирова А.В., Королев В.А., Трунина А.А. Лучшие практики и инструменты «мягкой силы». Страновой брендинг и его отражение в глобальных рейтингах «мягкой силы» // Вестник международных организаций. Т.9. №2 (2014). С. 209-228.

⁵⁴ Филимонов Г.Ю. Актуальные вопросы формирования стратегии «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации // Закон и право. 2013. № 9. С.67-82; Смирнов А.И., Кохтюлина И.Н. Глобальная безопасность и «мягкая сила 2.0»: вызовы и возможности для России. М.: 2012; Лукьянов Ф. Парадокс российской «мягкой силы». [Электронный ресурс] // Франко-Российский аналитический центр Обсерво. Режим доступа - http://obsfr.ru/fileadmin/Projets_obs/RIS_ru_Loukianov.pdf.

⁵⁵ Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // МГИМО – Университета. N4 (25). 2012; Лебедева М.М., Фор Ж. Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России // Вестник МГИМО – Университета. 2009. No 6 (9). С.1-6; Панова Е.П. Высшее образование как потенциал «мягкой власти» государства // Вестник МГИМО – Университета. No2 (15). 2011. С.157-161; Дежина И.Г. Российская наука как фактор «мягкого влияния». [Электронный ресурс] // РСМД. Режим доступа - http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=495.

⁵⁶ Цыганков А. Всесильно, ибо верно? "Мягкая сила" и теория международных отношений / Россия в глобальной политике. - 2013. - Том 11, N 6.

⁵⁷ Маркушина Н., Церпицкая О. Олимпийские и Паралимпийские зимние игры в Сочи, как аспект «мягкой силы» // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. Выпуск № 10 (116) / 2014. С.89-93.

инструментов «мягкой силы» во внешней политике современной Российской Федерации, в котором были бы раскрыты особенности российской модели «мягкой силы» и ее эффективность с точки зрения задач, стоящих перед Россией в начале XXI века.

При подготовке исследования использовались данные международных и отечественных рейтингов «мягкой силы», а также статистические и аналитические материалы The Pew Research⁵⁸, World Bank⁵⁹, UNESCO⁶⁰ и др.

Методологическая основа исследования

Теоретико-методологическую основу диссертационного исследования составил комплекс теорий, научных методов и подходов, который позволил выстроить многоуровневую систему анализа формирования и функционирования инструментов «мягкой силы» в российском внешнеполитическом механизме.

В качестве теоретического базиса диссертации выступили положения конструктивизма и структурализма в теории международных отношений. Конструктивистский подход позволил изучить современную систему международных отношений в качестве конструкта, целенаправленно создаваемого акторами в процессе международного взаимодействия. Отталкиваясь от теоретических установок школы структурализма, автор исследовал влияние структуры современных международных отношений на поведение акторов и эффективность реализуемой ими внешнеполитической стратегии.

При написании исследования автором были использованы: системный, институциональный, неинституциональный, компаративистский, исторический и другие подходы. Системный подход позволил исследовать роль и значение инструментов «мягкой силы» в современной внешней политике России. Благодаря системному методу были раскрыта целостность изучаемого предмета, всей сложности его совокупных частей, разнообразных типов связей внутри него. В рамках институционального метода была изучена работа формальных институтов «мягкой силы», которые были созданы в начале XXI века в России как в форме государственных учреждений, так и в форме информационных агентств, НКО и исследовательских центров. Неинституциональный подход позволил определить роль неформальных проводников «мягкой силы», которые

⁵⁸The Pew Research Center [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.pewresearch.org/>

⁵⁹World Bank Monitor. [Electronic resource]. Mode of access:

<http://www.worldbank.org/en/topic/migrationremittancesdiasporaissues>

⁶⁰Global Flow of Tertiary-Level Students. UNESCO Statistics.[Electronic resource]. Mode of access:

<http://www.uis.unesco.org/Education/Pages/international-student-flow-viz.aspx>

также участвуют в процессе выработки и реализации российской стратегии «мягкой силы».

Также автором использовались общенаучные принципы универсализма, комплексности, системности, связи, развития, а также фундаментальные положения политической науки о международных отношениях, глобальном и региональном развитии.

Источниковая база исследования

В качестве основных источников исследования были использованы официальные внешнеполитические документы Российской Федерации: Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 года, Концепция внешней политики РФ 2013 года, Концепция государственной политики РФ в сфере содействия международному развитию, а также документы Министерства иностранных дел и Россотрудничества, такие как: План деятельности МИД на период до 2018 года, План мероприятий по активизации деятельности в сфере содействия международному развитию и гуманитарного сотрудничества на базе российских центров науки и культуры за рубежом на 2014-2016 годы, отчеты о деятельности Россотрудничества и фонда «Русский мир» и другие.

Анализ концептуализации «мягкой силы» в российском публичном политическом пространстве, а также изучение практического применения данного внешнеполитического инструмента проводился на основе официальных заявлений, выступлений и комментариев первых лиц российского правительства, представителей органов исполнительной власти, отвечающих за реализацию внешней политики, руководителей НКО и официальных церковных лиц.

Также в качестве источников автором использовались социальные медиа (интерактивные интернет-сайты ведомств и информационных агентств, глобальные социальные сети), которые в последнее время активно используются российскими властями для разъяснения своей внешнеполитической позиции, влияния на зарубежное общественное мнение и дипломатической борьбы.

Научная новизна исследования:

1. Определена специфика интерпретации концепции «мягкой силы» политическим руководством Российской Федерации, а также российским академическим сообществом. Сделан вывод о том, что акцент на деструктивном характере концепции «мягкой силы» и ее сужение до контрпропаганды и внешнеполитической манипуляции приводит к росту недоверия к данному внешнеполитическому инструменту как в высших политических кругах и в научной среде, так и в широких слоях российского населения,

что служит одной из причин дисбаланса инструментов «жесткой» и «мягкой силы» в российской внешней политике.

2. Подробно изучена нормативно-правовая база политики «мягкой силы» Российской Федерации. Введены в научный оборот документы, которые прежде не были представлены в широком доступе и не анализировались исследователями (например, План мероприятий по активизации деятельности в сфере содействия международному развитию и гуманитарного сотрудничества на базе российских центров науки и культуры за рубежом на 2014 - 2016 годы).

3. Определены институты «мягкой силы» Российской Федерации, которые выполняют координирующую роль в применении инструментов «мягкой силы» - таких, как: программ в области распространения и укрепления позиций русского языка в мире, культурных проектов, молодежных обменов, сотрудничества в области науки, обучения иностранных студентов в российских вузах и др.

4. Выявлена роль российских экспертных площадок и мозговых центров в качестве инструментов «мягкой силы» России.

5. На основе комплексного анализа выявлены сильные и слабые стороны интернет-активности российских институтов «мягкой силы» (в том числе, в социальных сетях), которая является важным инструментом, способствующим укреплению «мягкой силы» России.

6. Выявлено идейное содержание российской концепции «мягкой силы», в основу которого сегодня закладываются консервативные ценности.

7. Определены сильные и слабые стороны российского инструментария «мягкой силы» во внешнеполитической стратегии современной Российской Федерации.

8. Предложены рекомендации по более эффективному применению инструментов «мягкой силы» во внешней политике России.

Практическая значимость работы заключается в том, что полученные результаты вносят значимый вклад в теоретическую базу исследований концепции «мягкой силы», раскрывая с помощью зарубежных и отечественных наработок основные компоненты концепции (такие, как: ресурсы, инструменты, механизм реализации, оценки эффективности применения «мягкой силы»). Теоретическое развитие концепции позволит международным акторам эффективнее использовать инструменты «мягкой силы» в своей внешнеполитической деятельности.

Автором проанализирована нормативно-правовая и институциональная база российской «мягкой силы», определены достижения и пробелы в работе по данному направлению. Обобщена зарубежная и отечественная критика российской практики применения данного внешнеполитического инструмента. Сформулированы рекомендации по укреплению потенциала российской «мягкой силы», которые могут быть учтены при формировании соответствующей стратегии во внешней политике современной Российской Федерации.

Полученные автором результаты могут быть использованы в учебном процессе в системе высшего образования, в частности при разработке новых учебных курсов, посвященных теории и практике современных международных отношений, внешней политике современной Российской Федерации и других государств.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. С момента появления термина «мягкая сила» в российском политическом пространстве в 2008-2009 гг., официальным руководством России была проведена успешная работа по нормативно-правовому закреплению данной концепции в официальных внешнеполитических документах.

2. Официальные выступления первых лиц российского государства, внешнеполитические нормативно-правовые документы, а также исследования ведущих экспертов позволяют делать вывод о том, что российская интерпретация концепции «мягкой силы» характеризуется негативным и недоверительным отношением, приравнивая данную концепцию к методам манипуляции сознанием, пропаганде, информационно-психологическим войнам, политике управляемого хаоса и технологиям государственных переворотов.

3. Российским руководством был создан ряд институтов, задачей которых стало комплексное использование инструментов «мягкой силы» во внешней политике – агентство «Россотрудничество», Фонд «Русский мир», Фонд поддержки развития публичной дипломатии им. А.М.Горчакова, а также ряд мозговых центров и экспертных площадок.

4. Созданы информационные каналы, такие как телеканал RT, МИА «Россия сегодня», информационная мультимедийная служба «Спутник», которые в качестве инструментов «мягкой силы» призваны представлять миру альтернативную точку зрения на международные события, которая соответствует внешнеполитическим интересам России.

5. В 2012-2015 гг. российским руководством была проведена успешная работа по расширению присутствия официальных внешнеполитических структур в международном информационном пространстве, в частности в социальных сетях: были созданы аккаунты МИДа, его подразделений и руководства в крупнейших социальных сетях. Работа МИД в социальных сетях позволила достигнуть глобальной международной аудитории и донести российскую точку зрения на события в мире в неискаженном виде напрямую до самых широких слоев населения зарубежных стран.

6. Основными элементами российского механизма использования инструментов «мягкой силы» выступают государственные институты, прогосударственные фонды и общественные организации, а также информационные каналы.

7. На содержательное наполнение российской «мягкой силы» претендуют консервативные ценности традиционной семьи и традиционного общества с ярко выраженной ролью религии и государства.

8. Несмотря на низкую оценку российской «мягкой силы» в международных рейтингах, российские и зарубежные эксперты сходятся во мнении, что за последние годы российским руководством была проделана большая работа, эффективность которой проявилась во время кризиса на Украине и последующих попыток политической и экономической изоляции России.

9. Использование инструментов «мягкой силы» в российской внешней политике станет эффективным только при условии стабильного внутреннего экономического развития и успешной реализации привлекательной социально-экономической модели в России.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, десяти параграфов, заключения и списка литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность темы исследования, определены степень научной разработанности, объект, предмет, цель и задачи исследования, методология, научная новизна, теоретическая и практическая значимость.

Первая глава «Основные подходы к понятию “сила” в теории международных отношений. Концепция “мягкой силы”» посвящена изучению теоретических оснований концепции «мягкой силы».

В первом параграфе первой главы «Категория “силы” в теории международных отношений» представлены основные теоретические подходы к изучению феномена «силы» в мировой политике. Проанализированы особенности интерпретации данной категории основными теоретическими школами международных отношений (реалистической, либеральной, геополитической, неореалистической, неолиберальной, школой структурализма).

Для школы политического реализма категория «силы» выступает в качестве основы для всей системы международных отношений. Для международных акторов сила является как критерием оценки конкурентоспособности своих соперников, так и способом воздействия на их поведение для достижения собственных целей. Согласно реалистической теории, международная политика - это политика силы.

Однако, неправильно было бы утверждать, что в рамках теории реализма мировое доминирование обеспечивается только за счет силовых и военных ресурсов. Уже Г.Моргентау, наряду с военными ресурсами, выделял другие составные элементы силы: промышленный потенциал, природные ресурсы, геостратегические преимущества, численность населения, культурные характеристики (национальный характер), национальную мораль, качество дипломатии и государственного руководства. Последователи Г.Моргентау продолжили теоретическое развитие понятия «сила» и выделили в нем новые нюансы, обогатив реалистическую теорию понятиями «влияние» (А.Уолферс, Г.Киссинджер), «власть» и «мощь» (Р.Арон).

Представители школы геополитики также считали категорию силы определяющей для теории международных отношений. Однако, они, в отличие от реалистов, сфокусировали свое внимание на географических и геоэкономических факторах могущества государства.

Категория «силы» в либеральной традиции рассматривается в рамках общей картины мира, которая представляется сторонникам данной школы как совместная работа всех международных акторов, направленная на обеспечение всеобщей безопасности и благоденствия. Силовая политика в данной картине мира является исторически обусловленной и, может, в конечном счете, стать ловушкой, которая приведет международных акторов к самоуничтожению.

XX век коренным образом изменил систему взаимодействия международных акторов и предоставил сторонникам школы либерализма новые доказательства тому, что эпоха неоспоримого доминирования военных методов в мировой политике закончилась. Отныне международные акторы оказались связанными между собой через новые средства

коммуникации, общие экономические интересы, совместные обязательства в рамках международных организаций. В условиях взаимозависимости военные инструменты отошли на второй план, уступая место новым инструментам. Представители либеральной школы первыми обратили внимание на то, что основное соперничество и в то же время сотрудничество между акторами перешло из военной сферы в сферу экономики и финансов. Сила государства стала рассматриваться в гораздо более разнообразной палитре. Особую значимость приобрели финансовые ресурсы, ресурсы бизнеса, технологические и научные ресурсы, культура и система образования.

В рамках школы структурализма была предпринята попытка переосмысления сложившейся трактовки категории «силы». В конце XX века международная система стала стремительно меняться с наступлением эпохи глобализации, в которой экономические, научные, технологические и культурные связи вышли на первый план. Для того, чтобы охватить все измерения современной системы международных отношений исследователи-структуралисты ввели в свой дискурс термин «структурная сила». «Структурная сила» выступает как удовлетворение четырех социальных потребностей, которые лежат в основе современной экономики: безопасность (в том числе и оборонительная мощь), знание, производство и финансы. Сила, которая работает в вышеуказанных четырех измерениях, позволяет своему обладателю устанавливать правила поведения для игроков на внешнеполитической арене, задавать тон и даже определять результаты международных переговоров. Согласно структуралистскому подходу, в начале XXI века сложилась новая система международных отношений, в которой государства играют второстепенную роль, это ваше мнение или структуралистов а транснациональные силы и финансовые потоки выходят на первый план. Как указывают структуралисты, в новой системе самым сильным игроком станет только тот, кто сможет аккумулировать максимум ресурсов и эффективно ими распоряжаться на всех четырех уровнях мировой политики.

Во втором параграфе первой главы «Концепция “мягкой силы” Дж.Ная» автором проанализированы теоретические истоки концепции «мягкой силы» Дж. Ная, и на основе работ и исследований автора разного времени реконструирована авторская концепция «мягкой силы» как совокупность взаимосвязанных компонентов и практических установок.

Автор доказывает, что идеи, заложенные в основу концепции «мягкой силы», не являются новыми для теории международных отношений. В научном сообществе, как отечественном, так и зарубежном, сложился консенсус относительно того, что концепция

«мягкой силы» является результатом теоретических наработок более ранних исследователей. Идея «власти над сердцами и умами» и несилового влияния развивалась в древнекитайской и древнегреческой философии, затем нашла отклик в работах мыслителей Средневековья, Нового времени, Просвещения. Одними из первых начали теоретически осмысливать трансформации, происходящие в эпоху глобализации с такой категорией, как «сила» в международных отношениях, Мортон Баратц и Питер Бахрах (Two Faces of Power 1962), Стивен Льюкс (Power: A Radical View, 1974), Кеннет Боулдинг (Three Faces of Power, 1989). Именно в их работах еще в 1960-1980 гг. были высказаны первые идеи о разных видах силы (или «лицах власти»), которые появились в арсенале международного актора. Теоретические наработки указанных исследователей легли в основу концепции «мягкой силы» Дж.Ная.

Благодаря яркому и образному термину, концепция Дж. Ная получила широкую известность в мире: ее взяли на вооружение национальные правительства, она стала предметом детального анализа ученых-политологов, на ее основе появились новые теории в международных отношениях, а также были сформулированы государственные внешнеполитические стратегии. Нередко теория Ная преподносилась в некорректном и искаженном виде. В связи с чем, автором на основе книг, статей и выступлений Дж.Ная была проведена реконструкция авторской концепции, как совокупности компонентов и практических установок. Через систематизацию авторских определений «мягкой силы», ее ресурсов, компонентов и акторов, процесса формирования стратегии «мягкой силы», взаимосвязи «мягкой силы» с экономическим сотрудничеством и военным потенциалом актора, критериев успешного применения «мягкой силы» в международном взаимодействии, автор раскрывает аутентичное содержание концепции Дж.Ная.

В третьем параграфе первой главы «Критика и интерпретации концепции “мягкой силы” в зарубежном академическом сообществе» автор сквозь призму критических замечаний исследователей и новых авторских концепций, сформулированных на основе концепции Дж.Ная, изучает дальнейшее теоретическое развитие концепции «мягкой силы».

Концепция «мягкой силы» широко критиковалась в зарубежном академическом сообществе. Изучение претензий, озвученных экспертами, позволило раскрыть слабые стороны концепции и определить, какие ее элементы нуждаются в доработке. Основная критика сводилась к указанию на теоретическую неточность, академическую размытость, абстрактность, отсутствие четкого набора инструментов и механизма их применения, а также системы оценки эффективности применения «мягкой силы». В дальнейшее

развитие и уточнение концепции большой вклад внесли: Инг Фан, Л.Росель, Дж.Галларотти, Дж.Маттерн, М.Фрейзер, М.Коуналакис и А.Симоний, А.Вавин.

Обсуждение «мягкой силы» в зарубежном академическом сообществе не ограничилось только интерпретациями и уточнениями концепции Дж.Ная. Ряд исследователей на ее основе сформулировали свои новые авторские теории, описывающие особенности силы в современных международных отношениях. Так, в научном дискурсе появились концепции «спектральной силы» (М.Коуналакис и А.Симоний), «космополитичной силы» (Дж.Галларотти), концепции «вербальной схватки» (Дж.Маттерн) и стратегического нарратива (Л. Росель), а также концепция «мягкой силы» как «доброты, красоты и безупречности» (А.Вавин).

В четвертом параграфе первой главы «Российская теория “мягкой силы”» автором представлена позиция отечественной школы теории международных отношений относительно теоретических и практических перспектив концепции «мягкой силы» в современных международных отношениях.

Российские исследователи внесли значительный вклад в теоретическое развитие и уточнение концепции Дж. Ная. Так, П.Паршиным были введены в научный оборот два определения «мягкой силы» - в широком и в терминологическом смысле. О.Леоновой был сформирован перечень основных инструментов «мягкой силы»; А.Торкуновым, М.Лебедевой, Е.Пановой проведен детальный анализ потенциала высшего образования как важного инструмента «мягкой силы». Большим вкладом в развитие концепции «мягкой силы» необходимо признать предложенный российскими исследователями С. Песцовым и А. Бобыло механизм реализации стратегии «мягкой силы», который можно представить в виде логической цепочки: источники – технологии – активы – инструменты (образ, имидж, присутствие) – промежуточные эффекты – процесс селекции – конечный результат.

Ввиду отсутствия комплексного определения инструментов «мягкой силы» как в зарубежном, так и в отечественном сообществе, автором предложено следующее определение: «Инструменты «мягкой силы» - это средства воздействия в мировой политике, основанные на убеждении и позитивной привлекательности, которые используются международным актором для достижения своих внешнеполитических целей.

Интересной особенностью российской интерпретации теории «мягкой силы» является особое внимание к деструктивному характеру данной концепции. Как и российские политики, отечественные исследователи зачастую ставят инструменты

«мягкой силы» в один ряд с методами манипуляции сознанием, пропагандой, информационно-психологическими войнами, политикой управляемого хаоса и технологиями государственных переворотов. Как указывают эксперты, российское видение резко утрирует значение и опасность этого инструмента, а развитие темы о деструктивности «мягкой силы» зачастую переводит дискуссию из академической плоскости в публицистическую, дискредитируя данный внешнеполитический инструмент как в профессиональном сообществе, так и в широких слоях российской общественности.

Во второй главе «Политический инструментарий российской “мягкой силы”» автором детально изучается процесс инкорпорирования инструментов «мягкой силы» в российскую внешнеполитическую практику через нормативно-правовое закрепление и создание соответствующих институтов.

В первом параграфе второй главы «Нормативно-правовая основа политики “мягкой силы” Российской Федерации» последовательно исследован процесс закрепления термина «мягкая сила» в российском публичном политическом пространстве и его последующее юридическое оформление в ряде официальных внешнеполитических документов, основным из которых является Концепция внешней политики Российской Федерации 2013 года.

Начиная с 2009 года о «мягкой силе» регулярно говорили представители правительства РФ. 2012-2013 годы можно считать пиком популярности «мягкой силы» в официальных внешнеполитических заявлениях российского руководства. В этот период российские политики в своих выступлениях высоко оценивают потенциал «мягкой силы» по укреплению внешнеполитического влияния России. В марте 2014 года, по выражению министра иностранных дел С.Лаврова, в российской внешней политике «мягкая сила» закончилась и начался жесткий мужской разговор. Однако уже со второй половины 2014 года, «мягкая сила» вернулась в публичный политический дискурс: и В.Путин, и С.Лавров, говоря о диалоге России с ее зарубежными партнерами, подчеркивали необходимость наращивания потенциала российской «мягкой силы».

В 2013 году концепция «мягкой силы» обрела юридический статус: она была включена в Концепцию внешней политики Российской Федерации. В этом документе нашло отражение противоречивое восприятие данного внешнеполитического инструмента российским руководством. Концепция определяла «мягкую силу» как неотъемлемую составляющую современных международных отношений, вместе с тем отмечая потенциально негативные аспекты применения концепции «мягкой силы» во внешней политике. В 2013-2015 годах необходимость использования инструментов «мягкой силы»

была закреплена в целом ряде официальных нормативно-правовых документов, таких, как: План деятельности Министерства иностранных дел Российской Федерации на период до 2018 года, Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию, План мероприятий по активизации деятельности в сфере содействия международному развитию и гуманитарного сотрудничества на базе российских центров науки и культуры (РЦНК) на 2014-2016 годы. В соответствии с данными документами на МИД России совместно с Россотрудничеством и другими ведомствами возлагалась работа с целью существенного усиления культурного и образовательного присутствия страны в мире. В качестве практических шагов для реализации данной цели предусмотрено: открытие новых РНЦК за рубежом (к 2018 году их общее количество должно составить 110 центров), рост количества курсов по изучению русского языка (91 курс в 2018 году), проведение культурных акций (2152 акций в 2018 году), увеличение числа участников программ краткосрочных ознакомительных поездок в Россию (в 2018 г. – до 10850 человек в год).

Во втором параграфе второй главы «Институциональный подход к использованию инструментов “мягкой силы” в российской внешней политике» автором подробно анализируется работа институтов «мягкой силы», которые были созданы российским руководством за прошедший период.

В 2007-2014 гг. Правительством Российской Федерации был создан ряд институтов, целью которых является координация использования инструментов «мягкой силы» в российской внешней политике. Главным институтом российской «мягкой силы» является Федеральное агентство по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество). Основными направлениями работы являются: расширение сети российских центров науки и культуры (РЦНК) за рубежом; распространение и укрепление позиций русского языка в мире; продвижение российской науки, культуры и образования в зарубежных странах; поддержка соотечественников, проживающих за рубежом и др.

За прошедший период в России был создан ряд НКО, которые были призваны стать неофициальными проводниками российской «мягкой силы». Это в первую очередь, фонд «Русский мир», движение «Мир без нацизма», Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом, и Фонд сотрудничества с русскоязычной прессой. Основными направлениями работы данных НКО являются: распространение и популяризация русского языка и культура, поддержка соотечественников, проживающих

за рубежом, содействие распространению объективной информации о современной России, поддержка экспорта российских образовательных услуг.

Также на укрепление российской «мягкой силы» работают созданные экспертные площадки и мозговые центры, такие как: Мировой общественный форум «Диалог цивилизаций», Международный дискуссионный клуб «Валдай», Фонд поддержки публичной дипломатии имени А.М.Горчакова, Совет по внешней и оборонной политике, Институт демократии и сотрудничества, Российский совет по международным делам. Часть из них получили высокую оценку в экспертной среде – это, в первую очередь, форум «Диалог цивилизаций» и Валдайский клуб. Часть из них еще не заняла лидирующие позиции в своем сегменте: так, мозговой центр РСМД пока не пробился на первые строчки ведущих международных рейтингов «мозговых центров».

Таким образом, за 2007-2015 годы российским руководством была проделана успешная работа по расширению российского гуманитарного присутствия в мире. За прошедший период, российским властям удалось довести количество зарубежных представительств российских институтов «мягкой силы» до 334 центров. Данная цифра включает в себя: 93 центра и представительства Россотрудничества, 239 центров и кабинетов Фонда «Русский мир», 1 зарубежное представительство Фонда им. Горчакова, 1 офис Института демократии и прав человека в Париже.

В третьем параграфе второй главы «Информационные каналы – инструменты российской “мягкой силы”» автором представлен обзор международных телеканалов, информационных порталов, печатных изданий, созданных и поддерживаемых российским правительством. В параграфе также анализируется деятельность МИД России в международном информационном поле.

За последнее десятилетие правительством РФ была проделана большая работа по усилению российского присутствия в глобальном информационном пространстве: был создан международный новостной телеканал RT (2005 год), активизировано международное вещание обновленного агентства «Россия сегодня», запущен новый мультимедийный информационный хаб «Спутник». Продолжена работа по выпуску печатных приложений к ведущим мировым газетным изданиям, таким как: американская Washington Post, британская Daily Telegraph, китайская Жэньминь жибао. Усилена работа Министерства иностранных дел РФ в информационном пространстве. В 2011 году была запущена обновленная, более современная, версия официального сайта МИД, была начата работа в социальных сетях (Вконтакте, Фейсбук, Твиттер), активизирована цифровая дипломатия первых лиц (аккаунт замминистра Г.Гатилова в Твиттере, страница пресс-

секретаря МИД М.Захаровой в Фейсбуке). За прошедшие годы МИДом РФ была проведена работа по включению российских дипломатических загранучреждений в социальные сети. Согласно информации, размещенной на сайте МИДа, из 252 учреждений 143 завели страницы в Фейсбуке, 157 – аккаунты в Твиттере. Данная положительная динамика, несомненно, сказалась на расширении российского присутствия в глобальном информационном пространстве.

В заключении к третьей главе автором сделан вывод о том, что инструменты «мягкой силы» стали играть ведущую роль в российской внешней политике, наравне с военным и экономическим международным сотрудничеством, и сформирован перечень основных инструментов «мягкой силы», которые сегодня наиболее активно используются в российской внешней политике.

В третьей главе «Проецирование российской “мягкой силы” в мире: идеологическое измерение» автором рассматривается идеологическое содержание российского инструментария «мягкой силы», а также эффективность реализации российской модели «мягкой силы» на данном историческом этапе.

В первом параграфе третьей главы «Российская «мягкая сила» на постсоветском пространстве: Евразийский проект» проводится анализ проецирования российской «мягкой силы» в региональном измерении сквозь призму формирующейся евразийской идеологии.

За последние годы российским руководством была проделана большая работа по нормативно-правовому закреплению «мягкой силы» в качестве важного внешнеполитического инструмента, по созданию институтов, как государственных, так и негосударственных, координирующих использование инструментов «мягкой силы», по налаживанию информационных каналов, призванных представлять российское видение событий в мире. Параллельно с этой работой, шел процесс формирования собственного политического месседжа и идеологии, которые содержательно наполняют российскую модель «мягкой силы». На данный момент в основу зарождающейся российской политической идеологии закладываются консервативные ценности, которые предполагают защиту традиционной модели семьи, а также определяющую роль государства и религии в жизни общества.

Проецирование российской «мягкой силы» через определенные политические установки осуществляется на двух уровнях: региональном и глобальном. На региональном уровне работа ведется в рамках евразийского проекта, на глобальном – в

рамках концепции «Русского мира». Данные проекты по-разному оформлены институционально, а также имеют разную географию проецирования..

Формирование евразийской ценностной системы является ответом, с одной стороны, на положительную динамику интеграционных процессов в экономической и военной сфере на евразийском пространстве, а с другой – на экономическую и политическую конкуренцию в данном регионе со стороны крупных геополитических игроков, таких как: Европейский союз, США, Китай. В условиях активного лоббирования западной системы ценностей, лидеры евразийских стран чувствуют потребность в формулировании собственных этико-цивилизационных ориентиров, которые позволят Евразии как региону стать самостоятельным центром международной политики. На данный момент, живая политическая практика показывает, что, противопоставляя себя западному обществу с его либеральными ценностями, евразийская идеология основывается на консерватизме, который предполагает защиту традиционных семейных ценностей, противодействие легализации однополых отношений, а также этатизм и религиозность общества.

Во втором параграфе третьей главы «"Мягкая сила" России в глобальном измерении: концепция "Русского мира"» автором раскрывается идейное содержание концепции «Русского мира», которая сегодня начинает выступать в качестве российского внешнеполитического месседжа, направленного на самые широкие слои зарубежной аудитории.

Перед тем, как войти в российскую внешнюю политику, концепция «Русского мира» прошла долгий исторический путь: от послания «Херсон и Русский мир» XI века, концепции «русского духа» А.Хомякова и «русской идеи» Н.Бердяева и В.Соловьева сквозь советское забвение до возрождения в 90-ых годах XX века благодаря работам П.Щедровицкого и Е.Островского. Сегодня «Русский мир» вышел за границы русскоговорящих сообществ и приобрел глобальную аудиторию. Исследователи утверждают, что «Русский мир» превратился в глобальный культурно-цивилизационный феномен, способный объединить людей в независимости от национальности, которые ощущают себя русскими, являются носителями русской культуры и русского языка, духовно связаны с Россией и неравнодушны к ее судьбе.

Идейное содержание концепции «Русского мира» на сегодняшний день четко не артикулировано. Его идеология проходит стадию формирования. Однако, можно проследить тенденции, указывающие на консервативный вектор, который российские политики задают этой концепции. Защита семейных ценностей, противостояние

легализации однополых браков, значение религии в жизни общества становятся частью новой российской идентичности, а, следовательно, и «Русского мира». Консервативная идеология «Русского мира» может усилить международное влияние России, которая в глазах определенных кругов за рубежом станет последним оплотом и защитником традиционных ценностей.

В 2014 году концепция «Русского мира» приобрела политическое измерение: в ходе кризиса на Украине она была использована российским руководством для идейного обоснования присоединения Крыма к Российской Федерации.

В третьем параграфе третьей главы «Эффективность российской модели “мягкой силы”: оценки экспертов» автором представлены экспертные оценки российских и зарубежных исследователей относительно актуальной практики использования инструментария «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации.

На протяжении длительного периода в экспертном сообществе, как российском, так и зарубежном, российская «мягкая сила» широко критиковалась. Тон дискуссии задал сам автор концепции «мягкой силы» - Джозеф Най. Российские эксперты были склонны соглашаться с Дж.Наем. Международные рейтинги отражают критическое отношение к практике реализации российской стратегии «мягкой силы»: в них Россия либо занимает последние места (например, рейтинг Лондонского Института по управлению 2012 года - 28-ое место из 40), либо не занимает никакого места вообще (например, рейтинг «Мягкая сила-30» консалтингового агентства «Портленд Коммьюникейшн»).

Однако в последние несколько лет среди экспертов все чаще стали высказываться положительные оценки использования Россией инструментов «мягкой силы». Критикуя российскую «мягкую силу», с одной стороны, и отмечая положительную динамику в развитии данного внешнеполитического инструмента, исследователи дают ряд советов по дальнейшему укреплению потенциала российской «мягкой силы». Российские эксперты, такие как: А.Торкунов, М.Лебедева, О.Леонова, Е.Панова делают акцент на ресурсе российского высшего образования. Согласно их анализу, предоставление образовательных услуг иностранным студентам является важнейшим инструментом «мягкой силы» государства. Успешный опыт Советского союза, который принимал около 10% международных студентов, выступает в качестве неоспоримого подтверждения.

Вторым аспектом, на который обращают внимание российские эксперты, размышляя об укреплении российской «мягкой силы», является ее идейное содержание. Они считают, что по-настоящему эффективным использование инструментов «мягкой

силы» во внешней политике России станет тогда, когда российская стратегия обретет идейное содержание – определенное послание миру, которое будет транслироваться через культуру, науку, образование.

На данный момент, на содержательное наполнение российской «мягкой силы» претендует идеология консерватизма. Именно консервативные идеи закладываются в основу Евразийского проекта и концепции «Русского мира», которые сегодня выдвигаются в авангард российской внешней политики. Данные ценности постулируют непреходящий характер традиционных семейных отношений, значение государства и религии в жизни общества. Такая консервативная идеология может усилить международное влияние России, которая в глазах определенных кругов за рубежом станет последним оплотом и защитником традиционных ценностей. Вместе с тем, в эпоху глобализации консерватизм как «мягкая сила» может быть встречен в мировом сообществе как разворот к архаике и не сможет претендовать на универсальность и мировое признание.

Последним важным моментом, на который указывали исследователи российской «мягкой силы», является прямая зависимость между реализацией привлекательной социально-экономической модели внутри страны и ее «мягкой силой» за рубежом. Ведь только успешное развитие страны, которое выражается в экономическом росте и реальном улучшении качества жизни ее граждан, сделает ее привлекательной в глазах международного сообщества.

В **заключении** подведены итоги и сформулированы основные выводы диссертационного исследования.

III. ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Статьи в рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации:

1. Агеева В.Д. Реформирование концепции внешней культурной политики Франции: "дипломатия влияния" и феномен "мягкой силы" // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 8. Ч. 1. С. 13-16.

2. Агеева В. Российская «мягкая сила» и ЕАЭС: в поиске ценностного измерения евразийской интеграции // Вестник Забайкальского государственного университета, 2016. Т.22. №3. С.34-41.

3. Агеева В. Российская "мягкая сила": между "Русским миром" и Евразией // Наука Красноярья № 1(24), 2016. С.8-24.

Другие публикации:

4. Агеева В.Д. Французский институт в Санкт-Петербурге: "мягкая сила" в действии // Сборник "Межкультурный диалог в современном мире. Материалы международной научно-практической конференции в Санкт-Петербургском государственном университете 12-13 мая 2015 года", СПб, Академия исследования культуры (серия "Университетская наука"), 2015, С.114-127.

5. Агеева В., Зеленева И.В. Фактор ПРО в новой парадигме евроатлантической безопасности // Материалы ежегодной Международной студенческой научной конференции СЗИУ - филиала РАНХиГС-2013 / под общ. ред. д. филос. н., проф. Ю.В. Косова; Сев.-Зап. ин-т упр. – фил. РАНХиГС.- СПб.: ИПЦ СЗИУ- фил. РАНХиГС, 2013. С.5-13.

6. Агеева В.Д. ЕвроПРО и стратегическая неопределенность новой парадигмы евроатлантической безопасности в начале XXI века // Вторая Межвузовская студенческая конференция по проблемам мировой экономики и международных отношений «Вызовы XXI века» НИУ ГУ-ВШЭ. [Электронный ресурс] URL: <http://modernpolitics.ru/2013/07/evropro-i-evroatlanticeskoyj-bezopasnost-v-novom-tysyacheletii/> (дата обращения: 01.06.2013).